

Вступление

С величайшим волнением приступаю я к труду, в котором вижу цель и оправдание своей убогой жизни, к описанию дней и дум Учителя Хулио Хуренито. Подавленная калейдоскопическим изобилием событий, моя память преждевременно одряхла; этому способствовало также недостаточное питание, главным образом отсутствие сахара. Со страхом я думаю о том, что многие повествования и суждения Учителя навеки утеряны для меня и мира. Но образ его ярок и жив. Он стоит предо мной, худой и неистовый, в оранжевом жилете, в незабвенном галстуке с зелеными крапинками, и тихо усмехается. Учитель, я не предаю тебя!

Я иногда еще пишу по инерции стихи среднего достоинства и на вопрос о профессии бесстыдно отвечаю: «Литератор». Но все это относится к быту: по существу, я давно разлюбил и покинул столь непроизводительный образ времяпрепровождения. Мне было бы весьма обидно, если бы кто-нибудь воспринял настоящую книгу как роман, более или менее занимательный. Это означало бы, что я не сумел выполнить задачу, данную мне в тягостный день 12 марта 1921 года, день смерти Учителя. Да будут мои слова теплыми, как его волосатые руки, жилыми, домашними, как его пропахший табаком и потом жилет, на котором любил плакать маленький Айша, трепещущими от боли и гнева, как его верхняя губа во время припадков тика!

Я называю Хулио Хуренито просто, почти фамильярно «Учителем», хотя он никогда никого ничему не учил; у него не было ни религиозных канонов, ни этических заповедей, у него не было даже простенькой, захудалой философской системы. Скажу больше: нищий и великий, он не обладал жалкой рентой обыкновенного обывателя — он был человеком без убеждений. Я знаю, что по сравнению с ним любой депутатик покажется образцом стойкости идей, любой интендант — олицетворением честности. Нарушая запреты всех существующих ныне кодексов этики и права, Хулио Хуренито не оправдывал этого какой-либо новой религией или новым миропознанием. Пред всеми судили-

щами мира, включая революционный трибунал РСФСР и жреца-марабута Центральной Африки, Учитель предстал бы как предатель, лжец и зачинщик неисчислимых преступлений. Ибо кому, как не судьям, быть добрыми псами, ограждающими строй и лепоту сего мира?

Хулио Хуренито учил ненавидеть настоящее, и, чтобы эта ненависть была крепка и горяча, он приоткрыл пред нами, трижды изумленными, дверь, ведущую в великое и неминуемое завтра. Узнав о его делах, многие скажут, что он был лишь провокатором. Так называли его при жизни мудрые философы и веселые журналисты. Но Учитель, не отвергая почтенного прозвища, говорил им: «Провокатор — это великая повитуха истории. Если вы не примете меня, провокатора с мирной улыбкой и с вечной ручкой в кармане, придет другой для кесарева сечения, и худо будет земле».

Но современники не хотят, не могут принять этого праведника без религии, мудреца, не обучавшегося на философском факультете, подвижника в уголовном халате. Для чего же Учитель приказал мне написать книгу его жизни? Я долго томился сомнениями, глядя на честных интеллигентов, старая мудрость которых выдерживается, подобно французскому сыру, в уюте кабинетов с Толстым над столом, на этих мыслимых читателей моей книги. Но коварная память на сей раз выручила меня. Я вспомнил, как Учитель, указав на семя клена, сказал мне: «Твое вернее, оно летит не только в пространство, но и во время». Итак, не для духовных вершин, не для избранных ныне, бесплодных и обреченных, пишу я, а для грядущих низовий, для перепаханной не этим плугом земли, на которой будут кувыряться в блаженном идиотизме его дети, мои братья.

Илья Эренбург

Глава первая

Моя встреча с Хулио Хуренито. — Черт и голландская трубка

26 марта 1913 года я сидел, как всегда, в кафе «Ротонда» на бульваре Монпарнас перед чашкой давно выпитого кофе, тщетно ожидая кого-нибудь, кто бы освободил меня, уплатив терпеливому официанту шесть су. Подобный способ прокормления был открыт мной еще зимою и блестяще себя оправдал. Действительно, почти всегда за четверть часа до закрытия кафе появлялся какой-либо нечаянный освободитель — французская поэтесса, стихи которой я перевел на русский язык, скульптор-аргентинец, почему-то надеявшийся через меня продать свои произведения «одному из принцев Шукиных», шулер неизвестной национальности, выигравший у моего дядюшки в Сан-Себастьяне изрядную сумму и почувствовавший, очевидно, угрызения совести, наконец, моя старая нянюшка, приехавшая с господами в Париж и попавшая, вероятно по рассеянности полицейского, не разглядевшего адрес, вместо русской церкви, что на улице Дарю, в кафе, где сидели русские обороты. Эта последняя, кроме канонических шести су, подарила мне большую булку и, растрогавшись, трижды поцеловала мой нос.

Может быть, вследствие этих неожиданных избавлений, а может быть, под влиянием других обстоятельств, как то: хронического голода, чтения книжек Леона Блуа и различных любовных неурядиц, я был настроен весьма мистически и узрел в самых убогих явлениях некие знаки свыше. Соседние лавки — колониальная и зеленая — казались мне кругами ада, а усатая булочница с высоким шиньоном, добродетельная женщина лет шестидесяти, — бесстыдным эфебом. Я детально разматывал приглашение в Париж трех тысяч инквизиторов для публичного сожжения на площадях всех потребляющих аперитивы. Потом выпивал стакан абсента и, охмелев, декламировал стихи святой Терезы, доказывал ко всему привыкшему кабатчику, что еще Нострадамус предугадал в «Ротонде» питомник смертоносных сколопендр, а в полночь тщетно стучался в чугунные ворота церкви Сен-

Жермен-де-Пре. Дни мои заканчивались обыкновенно у любовницы, француженки, с приличным стажем, но доброй католички, от которой я требовал в самые неподходящие минуты объяснения, чем разнятся семь «смертных» грехов от семи «основных». Так проходило мало-помалу время.

В памятный вечер я сидел в темном углу кафе, трезвый и отменно смиренный. Рядом со мной пыхтел жирный испанец, совершенно голый, а на его коленях щebetала безгрудая костистая девушка, также нагишом, но в широкой шляпе, закрывавшей лицо, и в золоченых туфельках. Кругом различные более или менее раздетые люди пили мар и кальвадос. Объяснялось это зрелище, довольно обычное для «Ротонды», костюмированным вечером в Неоскандинавской академии. Но мне, разумеется, все это казалось решительной мобилизацией вельзевулова воинства, направленной против меня. Я делал различные телодвижения, как будто плавая, чтобы оградиться от потного испанца, и в особенности от наставленных на меня тяжелых бедер натурщицы. Тщетно искал я в кафе булочницу или кого-либо, кто бы мог ее заменить, то есть главного маршала и вдохновителя этого чудовищного действия.

Дверь кафе раскрылась, и не спеша вошел весьма обыкновенный господин в котелке и в сером резиновом плаще. В «Ротонду» приходили исключительно иностранцы, художники и просто бродяги, люди непотребной наружности. Поэтому ни индеец с куриными перьями на голове, ни мой приятель, барабанщик мюзик-холла в песочном цилиндре, ни маленькая натурщица, мулатка в ярком кепи мужского покроя, не привлекали внимания посетителей. Но господин в котелке был такой диковиной, что вся «Ротонда» дрогнула, на минуту замолкла, а потом разразилась шепотом удивления и тревоги. Только я сразу все постиг. Действительно, стоило внимательно взглянуть на пришельца, чтобы понять вполне определенное назначение и загадочного котелка, и широкого серого плаща. Выше висков под кудрями ясно выступали крутые рожки, а плащ тщетно старался прикрыть острый, воинственно приподнятый хвост.

Я знал, что борьба бесцельна, и приготовился к концу. Разорванными ключьями промелькнули в моей голове далекие воспоминания — смолистая дача под Москвой, я в детской ванне, розовый и беззащитный, прогулки с гимназисткой Надей по Зубовскому бульвару, вечера в Сиене над обрывом, пахнущие миртой. Но эти сладостные видения отгонял от меня державный, необоримый хвост.

Я ждал быстрой расправы, насмешек, может быть традиционных когтей, а может, проще, повелительного приглашения следовать с ним

в такси. Но мучитель проявлял редкую выдержку. Он сел за соседний столик и, не глядя на меня, развернул вечернюю газету. Наконец, повернувшись ко мне, он приоткрыл рот. Я встал. Но далее последовало нечто совершенно невообразимое. Негромко, даже лениво как-то, он позвал официанта: «Стакан пива!» — и через минуту на его столике пенился узкий бокал. Черт пьет пиво! Этого пережить я не мог и вежливо, но в то же время взволнованно, сказал ему: «Вы напрасно ждете. Я готов. К вашим услугам. Вот мой паспорт, книжка со стихами, две фотографии, тело и душа. Мы ведь, очевидно, поедем в автомобиле?..» Повторяю, я старался говорить спокойно и деловито, как будто речь шла не о моем конце, ибо сразу отметил, что мой черт темперамента флегматического.

Теперь, вспоминая этот далекий вечер, бывший для меня путем в Дамаск, я преклоняюсь перед яснозоркостью Учителя. В ответ на мои маловнятные речи Хулио Хуренито не растерялся, не позвал официанта, не ушел, — нет, тихо, глядя мне в глаза, он промолвил: «Я знаю, за кого вы меня принимаете. Но его нет». Слова эти, не слишком отличавшиеся от обычных наставлений лечившего меня доктора по нервным болезням, тем не менее показали мне откровением — дивным и гнусным. Все мое стройное здание рушилось, ибо вне черта были немыслимы и «Ротонда», и я, и существовавшее где-то добро. Я почувствовал, что погибаю, и схватился за последний спасательный круг. «Но хвост, хвост?..» Хуренито усмехнулся: «И хвоста нет — ни карамазовски-датского, ни остренького, никакого. Постарайтесь жить без хвоста. Вот вы, как я, любите трубки. У меня великолепная коллекция: английские из старого вереска «три-би», венгерские черешневые, турецкие из красной глины Леванта с жасминовыми чубуками, голландские...» Я не мог вынести и тихо застонал, глядя с последней надеждой на подобранный влево хвост. Тогда Хуренито, расстегнув плащ, вытащил из бокового кармана брюк длинную голландскую трубку, хорошо обкуренную. Больше надеяться было не на что, ибо хвоста сразу не стало. Кроме того, Хуренито снял котелок, и воображаемые рога оказались жесткими густыми завитками волос, как у негра. В томлении и ужасе глядел я на невольного обманщика, а Хуренито спокойно раскуривал свою трубку.

Я отнюдь не радовался тому, что врага нет, что он лишь моя нелепая выдумка. Наоборот, вместе с чертом исчезал весь уют, пусть ада, но все же жилого, понятного, ощутимого. Я чувствовал себя в пустыне и, желая обрести какую-либо опору среди летучих песков, спросил Хуренито: «Хорошо, предположим, что его нет. Но хоть что-нибудь существует?..»

Хулио снова усмехнулся, показав зубы, столь ровные и белые, что мне вспомнилась реклама в трамваях «Употребляйте только пасту “Дентоль”», и вежливо, почти виновато ответил: «Нет». Это «нет» звучало так, как если бы я попросил у него спички или спросил бы его — читал ли он последний номер газеты «Комедиа».

«Но ведь на чем-нибудь все это держится? Кто-нибудь управляет этим испанцем? Смысл в нем есть?..» — «Испанец этот родился лет тридцать тому назад. Был голеньким, потом оброс волосами. Выдает себя за декоратора, на самом деле спекулирует на бирже. Сегодня заработал сорок луи. Доволен. Желудок работает исправно. Прочие органы тоже. Сейчас поужинал (три франка, включая вино), взял девицу (пять франков). Потом потеряет на бирже двадцать луи. Потом заболит подагрой и будет пить вонючую воду. Потом умрет, сгниет, и вырастет на могиле травка «петух или курица». Разумеется, вам предоставлено бесплатно удовольствие находить в этом тайную цель и сокровенный смысл». — «Нет, — я не мог удержаться, я кричал, — этого не может быть! Вы без хвоста, но вы — он самый! Есть добро, понимаете? — вечное, абсолютное!» Хуренито не смутился, даже не повысил голоса: «Право же, я не черт. Вы слишком льстите мне. Притом этих очаровательных созданий, увы, нет! Можете спать спокойно, даже брома не требуется. Но и добра тоже нет. И того, другого, с большой буквы. Придумали. Со скуки нарисовали. Какой же без черта Бог? «Добро», говорите? А вот поглядите на эту девочку. Она сегодня не обедала. Вроде вас. Есть хочется, сосет под ложечкой, а попросить нельзя — надо пить сладкий, тягучий ликер. Тошнит. И от испанца ее тоже тошнит, руки у него холодные, мокренькие, ползают, шарят. У нее мальчик — отдала бабке в деревню, надо платить сто франков в месяц. Сегодня получила открытку — мальчишка заболел, доктор, лекарство и так далее. Прирабатывай. Еще будь веселенькой, на бал, пожалуйста, да и не девица Марго, а карфагенка Саламбо, целуй испанца в губы, похожие на скользкие улитки, быстро, отрывисто целуй, будто сама с ума сходишь от страсти, — может, еще двадцать су накинёт. Словом, быт, ерунда, хроника. А вот от такой ерунды все ваши святые и мистики летят вверх тормашками. Все, конечно, по графам распределено: сие добро, сие зло. А только крохотная ошибка вышла, недоразуменьице. Справедливость? Что же вы хозяина не выдумали поллучше, чтобы у него на ферме таких безобразий не было? Или, может, верите, зло — «испытание», «искупление»? Так это же младенческое оправдание совсем не младенческих дел. Это он девицу-то так испытует? Ай да многолюбящий! Только почему же он испанца не испытует? Весы у него без гирек. На том свете? Да, да! А свет этот где? На какой

карте? Пока что «душа» — абстракция, а ручки-ножки — умрешь — попахивают, потом косточки, потом пыль».

Я сидел молча, придавленный этими речами. Но вдруг из бессмысленного вращающегося хаоса выскочила точка, маленькая, черненькая; я быстро вскарабкался на нее. «Пусть так, нет ни творца, ни смысла, ни добра, ни справедливости. Но есть ничто. А раз есть ничто, то значит, есть реальность, есть смысл, есть дух и творец». — «Мой друг, вы неисправимы. Ведь у вашего «ничто» тоже нет хвостика. А вот трубка здесь, и я здесь, и испанец. В том-то и вся хитрость, что все существует и ничего за этим нет. Сейчас помирает Жан-старичок, пищит в первый раз маленький Жанчик. Дождь шел давеча, теперь подсохло. Вертится, кружится, вот и все...»

«Но ведь так же нельзя жить, это гнусно, стыдно, наконец, просто не нужно!» — «Что делать — не вы выбирали! Вас поставили перед совершившимся фактом. Дом меблированный. Одним очень нравится — уютно, другие возмущаются и пока что мирно перевешивают картинки с одной стенки на другую...»

В эту минуту великолепная и вместе с тем простая мысль осенила меня. Я думаю, что она исходила от Хуренито и была ею первым открытием мне. Не обращая внимания на посетителей и официантов, я вскочил, откинул стул и закричал: «Но ведь можно уничтожить дом?» Хулио кивнул головой и попросил меня сесть. «Вполне законное желание. Давайте-ка, займемся этим». Он, наверное, анархист, в Испании много анархистов, подумал я и шепотом спросил: «Бомба? Адская машина?» — «Вы — прелестное дитя, — ответил Хуренито, — бомбой можно покалечить пару толстеньких жандармов, самое большее — какого-нибудь короля, который коллекционирует китайских болванчиков и увлекается игрой в теннис. Нет, мы займемся иным». Я понял, что спрашивать непристойно, и только, церемонно поклонившись, сказал: «Я буду вашим учеником, верным и старательным. Но дайте мне реальность, не то сегодня ночью или завтра утром я могу сойти с ума». Он вынул из кармана маленькую пенковую трубку и протянул ее мне. «Набейте добрым “капралом” и курите — это реальность».

Мы поужинали, и, спросив после сыра две рюмочки «Кло-Вужо», Хуренито снова подтвердил мне, что это, то есть «Кло-Вужо», — истина, а не сон. Под утро, в Неоскандинавской академии, познакомив меня с пухленькой шведкой, одетой в прозрачную тунику и похожей на свежую булочку с деревенским слезящимся маслом, он сказал: «Это на самом деле, это вам не добро». И дружески хлопнул меня по плечу: «А теперь спокойной ночи! До завтра!»

Глава вторая

Детство и юность Учителя

В настоящей главе я хочу поделиться с читателем немногочисленными и отрывистыми сведениями о жизни Хулио Хуренито до памятного вечера в «Ротонде», когда я его встретил. Иногда Учитель рассказывал мне отдельные эпизоды своих отроческих лет, и я попытаюсь их восстановить, чтобы все уверовали, что Хуренито не миф, не сказочный герой, а сын сахарозаводчика из Гуанахуаты Педро-Луиса Хуренито.

О происхождении Учителя ходили всякие вздорные легенды. Наиболее часто мне приходилось слышать рассказ о том, как Будда воплотился в этого высокого, худого человека с глазами, полными движения, но обладавшими непостижимой силой останавливать время. Поводом к этой легенде послужило следующее, само по себе незначительное, событие. В марте месяце 1888 года в городе Аллахабаде, в Средней Индии, из храма исчезла ценная статуя Будды, которую ученые относили к третьему или четвертому веку нашей эры. Очевидно, это произошло вследствие сонливости сторожа и пристрастия некоторых британских чиновников к древностям Востока. Двадцать пять лет спустя в теософских кругах упорно говорили о том, что Будда, покинув былую плоть, перевоплотился в мексиканца Хуренито, и благодаря этому изображение его прежней личины перестало быть зримым. Легенда пользовалась таким успехом, что, когда Учитель как-то ночевал в мастерской одного русского поэта-теософа, разыгралась курьезная сцена. Ночью поэт в рубаше прокрался к спящему Учителю и начал щупать его лицо. Застигнутый и слегка заподозренный в дурных намерениях, он объяснил, что искал на лбу Хуренито бородавку — третий глаз, форменное отличие воплощений Будды. Эти и подобные им басни, разумеется, не заслуживают никакого доверия.

Учитель родился 25 марта 1888 года в Мексике, в небольшом городе Гуанахуате, известном золотыми приисками. Он был крещен по обряду католической религии и получил имена Хулио-Мария-Диего-Пабло-Анхелина. Я полагаю, что он был ребенком пытливым и неудобным. Так, мне известно, что мальчиком пяти лет он отпилил пилой для хлеба голову котенка, желая познать отличие смерти от жизни. Два года спустя, усомнившись в Богоматери и во многом ином, он прокрался в церковь, выпотрошил статую Мадонны, сделанную из парчи на каркасе, и остался вполне удовлетворен опытом.

В шестнадцать лет он влюбился, стал глядеть на звезды и думать о вечности. Но, испытав кой-какие временные улады, о звездах и веч-

ности забыл, от девицы спешно удалился и раз навсегда потерял вкус к тому, что люди зовут «любовью». К счастью, девушка вскоре утешилась и вышла замуж за подрядчика из Веракруса. Узнав об этом, Хуренито послал единственной отмеченной им в жизни женщине свадебный подарок — мельхиоровый сервиз на двенадцать персон.

После сего он отправился искать золото в Эль-Оро, но, не желая тратить времени на работу в приисках, выпил кувшин крепкой «пульки», вытащил солидный нож и перед толпой возвращавшихся с работы шахтеров провел им по земле, сказав: «На сегодня здесь территория Гуанахуаты, и никто из вас не перейдет этой границы, не заплатив мне выкупа. Вытаскивайте золото!» В Эль-Оро люди были жадны, но трусливы, и при одном имени разбойной Гуанахуаты готовы были отдать все на свете, лишь бы спасти жизнь. Через час Хуренито пробираясь по лесистым горам с мешком золота. У индейцев он купил лошадь и благополучно достиг границы Соединенных Штатов. Об этом происшествии я слышал от друга Хуренито и моего — художника Диего Риверы, который был в Эль-Оро в памятный день, видел черту на песке, испуганных рабочих и куски золота в широкой шапке с кожаным ремнем Хуренито.

В одном из южных штатов Учитель продал золото за восемь тысяч долларов и приступил к трате денег, для чего поил джином всех встречаемых негров, скупал редкие почтовые марки и заказывал в наиболее независимых газетах хвалебные статьи о себе, с приложением портретов каких-то подозрительных юношей из Дамаска. Так, усиленно работая, он успел истратить шесть тысяч долларов, не осилив двух. Тогда он созвал богатых, но скупых коммерсантов города на парадный обед, после которого, угостив их отменными сигарами «Ля Корона», зажег скрученные стодолларовые ассигнации, чтобы все могли таким образом, не чиркая спичками, закурить. Коммерсанты ерзали на колленках, собирая легкий серебряный пепел. Их пищеварение было безусловно нарушено, зато Хуренито избавился от надоевшего ему занятия — тратить деньги.

Хуренито вернулся снова в Мексику и решил заняться революцией. Это были бурные годы молодой республики. Из всех партий Хуренито предпочел Сапату и его простодушных мятежников, ненавидевших городскую культуру, машины сахарных заводов, паровозы, людей, несущих смерть, деньги и сифилис. Карранса, убив предательски Сапату, заманил Хуренито. Хулио случайно спасся. В часы ожидания смерти он испытал, вместо описываемой поэтами торжественности, сильную скуку и сонливость и после этого эксперимента уже просто и буднично

убивал других. Он командовал индейцами в знаменитой битве при Селая, где была разбита наголову прекрасная армия Вилби. Его отвагой, находчивостью, способностями был восхищен президент Мексиканской республики Обрегон. Но свергать власть, расстреливать и гоняться за врагами оказалось тоже делом однообразным, скучным. После седьмой революции Хуренито купил микроскоп, готовальню, четыре ящика книг и занялся различными научными изысканиями. Вскоре после этого он посетил Лиму и Буэнос-Айрес, поселился же в Нью-Йорке.

Хуренито изучил математику, философию, токарное ремесло, электротехнику, гидрологию, египтологию, игру на окарине, шахматную игру, политическую экономию, стихосложение и ряд других наук, ремесел, искусств, игр. Он с исключительной легкостью овладевал языками. Вот на каких он говорил совершенно безукоризненно: испанский, английский, французский, немецкий, русский, итальянский, арабский, ацтекский, китайский. Десятки других языков и наречий он знал вполне корректно.

Одновременно с этим Хуренито занимался искусством. Труды его в этой области я опишу в одной из последующих глав.

Все эти занятия не удовлетворяли Хуренито, и, после длительных раздумий, он решил (это было 17 сентября 1912 года), что культура — зло и с ней надлежит всячески бороться, но не жалкими ножами пастухов Сапаты, а ею же вырабатываемым оружием. Надо не нападать на нее, но всячески холить язвы, расплзающиеся и готовые пожрать ее полусгнившее тело. Таким образом, этот день является датой постижения Хуренито своей миссии — быть великим Провокатором.

Начало его деятельности ознаменовалось неудачей. Хуренито был слишком молод, жизненно неопытен и одинок. Он вздумал действовать наивным путем убеждения и организовал с помощью специальных аппаратов световые плакаты на ночном небе Нью-Йорка. Жители этого города хорошо помнят оригинальное начинание. Стирая звезды, горели величавым блеском письма: «Голодные — есть еще филе из бекасов. Прославьте дары цивилизации!» — и т. п. Все решили, что это рекламы большого гастрономического магазина. Но один бродяга-ирландец почему-то в первый же вечер кинул бомбу в роскошный ресторан «Бристоль», Ирландца посадили на электрический стул, а Хуренито, не желая предаваться подобным захоластным идиллиям, сел на пароход «Рекс» и отправился в Европу, где почва для его деятельности была более благодарной, нежели в слишком Новом и недостаточно обжитом Свете. Через несколько месяцев после приезда Хуренито в Европу я встретился с ним и стал его первым учеником.

Вот все, что я знаю о первых двадцати пяти годах жизни Учителя. Мне хочется кончить эту главу словами любви к земле, родившей великого человека. Две страны будет чтить далекое потомство: родину Учителя Мексику и Россию, где он закончил свои дни и труды. Два города будут вечно манить к себе паломников: маленький грязный Конотоп и далекая Гуанахуата.

Россия и моя родина. Я никогда не был в Мексике, но я глубоко люблю этот священный для меня край. Я люблю городок на холме, с домами, встающими уступами, суровый и голый, испещренный лишь кактусами и черными пятнами «квебраплатос». На долю этого города выпала честь быть колыбелью Учителя. С глубоким уважением я повторяю имена людей, которых Хуренито знал в дни своей юности: президента Обрегона, выдающегося инженера Паники, художника Диего Риверу, поэта Моралеса и философа Вескуселоса. Если эта книга дойдет до них, пусть они с доверием примут слова уважения и признательности. И если кто-либо из прочитавших мою книгу познает счастье увидеть наяву Гаунахуату, пусть он за меня поцелует ее угрюмую, раскаленную, благословенную землю.

Глава третья

Доллары и Библия. — Три дня мистера Куля

Несколько дней спустя, рано утром, ко мне пришел Хуренито и сразу, даже не здороваясь, протянул номер «Пти паризиен» с отчеркнутым объявлением. В отделе «Разные», между рекламой нового слабительного для кур, больных дифтеритом, и письмецом какого-то Поля к напрасно ревнующей его «кошечке», которой он верен до гроба, было напечатано нижеследующее.

АКЦИОНЕРНОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ОБЩЕСТВО
ДЛЯ БИБЛЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУЗЕМЦЕВ ЕВРОПЫ
(САН-ФРАНЦИСКО — ЧИКАГО — НЬЮ-ЙОРК)

ИЩЕТ

деятельных миссионеров в различные страны, а также агентов
по продаже патентованных аппаратов.

Являться в «Отель де ля круа»

к мистеру Кулю

«Ты понимаешь, как это кстати», — сказал Хуренито (в первый же вечер после ужина он стал говорить мне «ты», дружески и вместе с тем повелительно). Через полчаса мы уже сидели в кабинете мистера Куля. Лицо его, широкое, плоское, упитанное, ничего особенного не выражало. Зато у него были необычайные ноги, в носатых рыжих ботинках, они лежали на двух вращающихся пюпитрах, несколько выше уровня головы. Он одновременно читал Библию, диктовал стенографистке письмо министру изящных искусств Чили, слушал по телефону цены на скот в Чикаго, беседовал с нами, курил толстую сигару, ел яйцо всмятку и разглядывал фотографию какой-то полногрудой актрисы. Для этого к его креслу, напоминавшему зуболюбное, были приделаны станки, трубки, автоматические держатели в форме дамских пальчиков и целая клавиатура непонятных мне кнопок. Подобное времяпрепровождение, естественно, налагало свой отпечаток на мистера Куля. Так, впоследствии я заметил, что приемы разговора по телефону он применяет и в обычной беседе. Как-то вечером, сидя один в ресторане и скучая, он отрывисто гаркнул проходившей мимо актрисе: «Алло! Женщина? Это я — мистер Куль. Свободны? Хотите со мной? Алло! Представьте смету. Даю ужин и десять долларов». Иногда он чувствовал необходимость нажимать кнопки, и эта вполне понятная привычка неприятно отражалась на окружающих его. Но в общем это был человек скорее воспитанный, и он любезно принял нас, посвятив тотчас Хуренито в сущность своих намерений.

Прожив достаточное число лет в Америке, из рассказов приезжавших и газетных статей мистер Куль узнал, что Европа лишена нравственности и организации. Два могучих рычага цивилизации — Библия и доллар не идут в ней рука об руку. Мистер Куль понял, что Америка должна отплатить благодарностью за тот великий момент, когда матрос Хуан Луис, известный в двух Кастилиях разбойник, прежде нежели зарезать первого индейца, пробормотал молитву, побрызгал его морской водицей и таким образом положил начало торжеству креста. Ныне пришла очередь Америке спасать обезумевшую Европу. Для проведения этого в жизнь мистер Куль организовал акционерное общество с весьма солидным капиталом и, приехав в Европу, начал разрабатывать план деятельности. Сообщив это Учителю, он стал нажимать наиболее мелкие кнопки и, вынимая из выскакивающих папок различные проекты, читал их нам. Некоторые из них мне запомнились, и я приведу их здесь, к сожалению без деталей, цифровых данных и чертежей.

1. Необходимо прекратить воровство не только репрессивными мерами. Для этого надо оградить нестойкие души бедняков от соблаз-

нов города, напоминая им о вечных благах, доступных всем. Акционерное общество изготавливает различные дидактические рекламы: над булочными вывешиваются огненные круги с надписью «Не единым хлебом сыт человек», над пивными — «Блаженны алчущие», над магазинами готового платья — «Царство божие внутри нас» и т. д.

2. Обязать всех содержательниц публичных домов поставить в заведениях автоматы с необходимыми для гигиены принадлежностями. На пакетах должно быть напечатано: «Милый друг, не забывай о своей чистой и невинной невесте». Эти аппараты, по словам мистера Куля, были делом весьма доходным, ибо, обходясь в триста франков, они приносили в среднем в месяц до тысячи франков чистой прибыли.

3. Докладная записка министру юстиции Французской республики. Побывав несколько раз у тюрьмы Санте во время казней, мистер Куль с радостью констатирует большое стечение публики и остро развитое чувство справедливости, выражающееся в нескрываемом энтузиазме при зрелище наставительной церемонии. Он отмечает предприимчивость мелких торговцев, устанавливающих вокруг тюрьмы на время казни баракки со сладостями, прохладительными напитками и даже с игрушками для ребят, которых приводят умные и энергичные матери. Но мистер Куль удивляется, почему такого рода празднества не использованы для нравственной пропаганды, и, вполне понимая некоторые особенности французской светской власти, предлагает предоставить это его Акционерному обществу. Вокруг гильотины — передвижные поместительные трибуны, с платой, доступной даже трудящимся. Магазины, в которых, кроме обычных товаров, фотографии преступников до и после акта правосудия, духовные и моральные книги, наконец, прокат биноклей. После окончания официальной части празднества — кинематографический сеанс: детство преступника и порядочного человека; первый шалит, потом крадет, потом насилует, потом убивает, потом голова его в руках уважаемого мосье Деблера; второй — мальчик-пай, копит су, данные на конфеты, женится, книжка сберегательной кассы, рента, тенистая могила и памятник «в вечную собственность». Засим короткая проповедь, которая может удовлетворить стремления светской части общества: преступник забыл о школе, о своих обязанностях как избирателя, о высшем существе — «Отечестве». Для разъезда — «Молитва девушки за душу злодея» и «Марсельеза».

4. Предвидя после конфликта в Марокко возможность войн, мистер Куль опасался осквернения миллионов христиан и потому предлагал всем европейским государствам, имеющим колонии в Африке,

озаботиться созданием черных войск. Насильственное вылавливание взрослых из деревень он находил жестоким и, главное, непрактичным. Опыт устриц, страусов и различных видов зверей подсказывает идею питомников. Отбираются самки наиболее плодovitых племен; через двадцать лет любое государство имеет свое войско, совершенно готовое к употреблению, не нарушая при этом ни нравственных чувств, ни экономических интересов собственного населения.

Ознакомив нас с этими оригинальными и смелыми проектами, мистер Куль пожаловался Учителю на косность Европы. Министр юстиции не ответил ему. Во многих публичных домах поставлены его аппараты, но нравоучительные надписи тщательно замазаны сажей. Выставленные в Лондоне световые рекламы против кражи были ночью разбиты какими-то злоумышленниками, вероятно русскими анархистами. Наконец, вместо «черных питомников» Европа увлекается мирными конгрессами. Поэтому он и решил с помощью газетных объявлений подыскать энергичных, опытных агентов.

Хуренито, высказав свой восторг перед активностью и революционностью идей мистера Куля, скромно, но не без достоинства, указал на стаж в Мексике и предложил свои услуги. Его краткая речь произвела на мистера Куля столь сильное впечатление, что он, отбросив яйцо и не дослушав цен на баранов, воскликнул: «Вы тоже великий человек! Алло? Вы будете моим гидом по Европе. Издержки и прочее. Алло? Представьте смету». Откланявшись, мы вышли.

Глубокая пропасть лежала между сегодняшним днем и вчерашним. Все утерявший, я уже не принял мистера Куля за черта, несмотря на его подозрительные ноги, кнопки и проекты. Все же он показался мне отвратительным и куда более опасным, нежели булочница или голый испанец. Я сказал об этом Учителю. Хуренито со мной согласился: «Конечно, он отменно гнусен, но я руководствуюсь при выборе учеников не реакцией на них моего раздражительного пищевода, а степенью их полезности для дела. Чтобы ты понял, какая сила скрыта в этом человеке, мы проведем с ним три ближайших дня. Смотри и учись. Это гораздо поучительнее, чем все видения ада твоих добродетельных постников».

Учитель, как всегда, ты был прав! Что все костры святого Игнация, что весь духовный огонь Зосимы по сравнению с этими тремя днями, где главные роли играли часовая стрелка и маленькая синяя книжка в боковом кармане мистера Куля! Они прошли, быстрые и неумолимые, воспоминания о них напоминают фильм.

Вторник. После завтрака, в час дня, мистер Куль едет на выставку. Среди других его внимание останавливают кубистические натюрмор-

ты молодого художника Доро: две чашки, огурец и кочан, разложенные на плоскости. Хуренито объясняет. Мистер Куль возмущен. «Это грубый материализм! Алло? Безнравственность! Падение духа! Я понимаю — огурец в руках Мадонны. Одухотворенный огурец. Но вы говорите “форма”? Алло! Растление! Покупаю». Вынимает чековую книжку. Скупает у содержателя галереи все полотна Доро. 3 часа дня. Сияющий художник привозит мистру Кулю свои картины. Двадцать восемь штук. Снова чек. Засим немедленно на глазах у Доро два гурма-негра режут картины на мелкие кусочки. «Алло, молодой человек, вы должны оставить искусство. Вот это прекрасно и нравственно. (Показывает на шесть белесоватых дев под кипарисами.) Это не Доро, а как его?..» Хуренито подсказывает: «Морис Дени». «На деньги, полученные от меня, купите небольшой посудный магазин или займитесь продажей моих патентованных автоматов. Алло? Возражения бесполезны. Все, что вы будете делать, я буду скупать через моих агентов и немедленно уничтожать. Протестовать? Но это моя собственность. Куплено. Что хочу, то делаю. Доллар, мой друг, высшая сила. Доллар и Библия». 5 часов дня. Сенсационное сообщение в «Энтрансижан»: «Молодой художник Доро повесился. Причины неизвестны». В 6 часов Хуренито по поручению мистера Куля заказывает надгробный венок с надписью: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить».

В среду мистер Куль решает заняться политикой. Из утренней газеты он узнает, что в Медоне, под Парижем, рабочие обойной фабрики дружно бастуют уже две недели, требуя уменьшения на один час рабочего дня. Заботы низших слоев населения о своих грубо материальных интересах и пренебрежение к миру духовному всегда возмущали мистера Куля. В 11 часов утра у него агенты частного сыска с исчерпывающими данными о четырех членах стачечного комитета. Получив указания, они приступают к работе. Пьера Гранье, алкоголика, незнакомцы приглашают в бар. К пяти часам, после дюжины пиконов, он валяется мертвецки пьяный в кладовой. У Бидо дочка больна чахоткой, это любимица семьи. Предложение ехать на юг. Четверть часа испытания, и чек из той же синенькой книжки. Поездом в 8 часов 20 минут Бидо уезжает в Ниццу. Старичка Бедье запугивают фотографиями тюрьмы, какими-то перехваченными приказами и нарочно на сей предмет нацепленными орденами одного из агентов конторы. Он убегает в Париж к своему племяннику. Остается Лиз — не пьет, денег не берет, орденов не боится. В три часа долгое совещание в кабинете у мистера Куля. Агенты требуют двойной оплаты. Снова книжка. В семь часов собрание забастовщиков. Выясняется, что три главаря бежали,

четвертый, Лиз, в тюрьме; под его тюфяком нашли тысячу долларов, происхождение которых он объяснить не мог. «Вор!», «Подкупили!», «Долой!» Представитель хозяина, старый приказчик, услужливо объясняет: «Станьте на работу, никакого наказания не будет». Общее ликование. Стачка кончена. Мистер Куль заказывает мемориальную дощечку, но колеблется в выборе текста, запрашивает по радио своего друга, пастора Вонса в Чикаго, можно ли, ввиду смены феодального строя капиталистическим, произвести небольшое исправление в тексте Писания. Удовлетворительный ответ. На воротах фабрики будет значиться: «Богу — божье, хозяину — хозяйское».

Четверг. Весна. Мистер Куль настроен игриво, он отдыхает. «Любовь, любовь, пьянишь ты кровь!» Прелестная девушка. Алло! Кто это? Младшая продавщица перчаточного отделения магазина «Лувр». Пригласить вчерашних агентов. Полдень. У мадемуазель Люси оказывается жених, мосье Поль, он служит в «Лионском кредитере». Узнайте слабости. В 5 часов дня мосье Поль проигрывает тысячу восемьсот франков в баккара. В шесть он заходит за Люси. У дверей магазина они расстаются, девушка плачет. В восемь ей приносят письмо с предложением явиться в «Кафе-рояль», кабинет № 8, там она получит немедленно тысячу восемьсот франков. Мы едем с мистером Кулем в ресторан. У входа какой-то нищий просит су. Я снова поражаюсь энергии нашего нового друга. Поворачиваясь к просящему, он подымает руку к небу: «Крепись, мой друг, там последние будут первыми». В кафе я с Хуренито в общем зале. Час спустя к нам выходит на минуту мистер Куль, как всегда жизнерадостный, выписывает в книжечке мадемуазель тысячу восемьсот франков... Минуту подумав, пишет на оборотной стороне чека: «Любовь покрывает все» (Коринф. 13, 5).

Так прошли три дня деятельности мистера Куля. Выходя ночью с Учителем из кафе, я смутился. Пахло теплым дождиком, бухли почки каштанов, и мое сердце поддавалось радости бытия. Я вспомнил Доро, посиневшего, с высунутым языком, Лиза, которого жандармы подбодряли пинками, наконец, маленькую Люси, тщетно пытавшуюся в вестибюле кафе под насмешливыми взорами официантов прикрыть пудрой заплаканный красный нос, и не выдержал: «Скажите, как вы не убили Куля?» Хуренито рассмеялся: «Друг мой, кто же, идя на войну, взрывает пушку? Вспомните, мы хотим все разрушить. А Куль — это великолепное тяжелое орудие».

Так мистер Куль, сам того не ведая (он считал Хуренито своим гидом и аккуратно выплачивал ему сто долларов в месяц), стал вторым учеником великого Учителя.

Глава четвертая

Симпатичные боги Айши. — Различные суждения Учителя о религии

Утром в гостинице «Мажестик», написав более двадцати деловых писем, Хулио Хуренито позвонил груму, чтобы отправить их на почту. Спеша, он хотел быстрее наклеить марки и приказал мальчишке-негру высунуть язык. Этот способ наклеивания удовлетворил обоих, и на следующий день грум явился уже без зова, стал у стола и предупредительно высунул свой острый шершавый язык. Когда процедура была закончена, он с гордостью сказал Хуренито: «Гихрэ тоже может это делать». На наши недоуменные вопросы он доверчиво попросил нас следовать за ним. Мы прошли в тесную каморку под черной лестницей, где жил грум. На полу мы увидели маленького негритянского божка, только что выдолбленного из скорлупы кокосового ореха. Он сидел скрестивши ноги, и на его высунутом языке была наклеена почтовая марка. Айша (так звали грума) с материнской нежностью глядел на идола, приговаривая: «Гихрэ очень умный, все умеет». Далее мы увидели еще двух божков: один из них чистил ботинки, другой стоял перед дверью со вставленным в нее осколком зеркала. Оказалось, что Ширик и Гмэхо (так звали двух братьев Гихрэ) тоже всемогущи и способны делать вещи непостижимые. Учитель был обрадован, даже взволнован. «Вы видите, — сказал он мистру Кулю и мне, — здесь, в отеле «Мажестик», творится великолепная мифология. Через сотни лет Ширик будет отряхать земной прах с блуждающих душ, Гмэхо — впускать их в святые врата, а милый Гихрэ с почтовой маркой в два су — служить вечным вестником, соединяющим наш мир с трансцендентальным. Или вы позабыли послеобеденные анекдоты мудрых эллинов и бесплатных гурий бедного погонщика верблюдов? Ты, еврей, — сказал он мне, — помнишь, как Иегова обиделся на твоих девушек, как он боролся с Иаковом, ревновал Израиль ко всякому вавилонскому идолищу и торговался насчет захудалого Содома? А вы, мистер Куль, не присвоили ли вы Богу всех человеческих ремесел от рождения до смерти, оставив их только некоторыми отступлениями от физиологии? Беденькая жена Рафаэля, весьма, кстати, добродетельно исполнявшая свои супружеские обязанности, — сколько благочестивых слез безнадежно старых дев Германии она вызвала в своем дрезденском продлении! Разве придумали люди для своего разнорасового Олимпа другие порядки, нежели для Китайской империи или для Республики Сан-Марино? (Монархия Иудеи, олигархия Индии, наконец, плутократия ты-

сячи нажившихся на святости подвижников доброго католика.) Одни смягчают тиранию справедливости конституционным вмешательством милосердия, другие, наоборот, торжественно восстанавливают самодержавие Господа Бога. Небесные министерства — военное с различными званиями серафимов, херувимов, архангелов и ангелов, юстиции — суд, прокурор и защитник, смягчающие обстоятельства, весы лавочника, каторга срочная и бессрочная, просвещения — пророки, пропаганда, даже световые рекламы на стенах вавилонского дворца. Вы, дети мои, пережевываете жвачку, прошедшую через все четыре законных желудка, а Айша готовит новую для Клоделей или Булгаковых тридцатого века».

Айша слушал Учителя очарованный, снова раскрыв рот, но теперь уже безо всяких практических намерений. Изобилие таинственных слов и дивных имен так поразило его, что он, упав на колени, поцеловал носик ботинка Хуренито. Учитель сказал ему: «Ты теперь будешь следовать всюду за мной». — «Жаль, что я не знал, я предложил бы вам лучшего груга», — заметил мистер Куль. Я же спросил Учителя, почему его выбор остановился на маленьком негре. «Он верит, — ответил Хуренито, — а это столь же редко в вашей Европе, как красивая девственница или честный министр. Ваша вера труслива, от нее ложится тень сомнения, иронии, мальчишеского любопытства и расчетливости торговца, боящегося прогадать на товаре. Какой аббат не смотрит тихонько в школьном учебнике естественной истории, велика ли глотка кита, и не пытается объяснить непорочное зачатие сложным символизмом модного философа? Ваше безверие не храбрее вашей веры, за ним плетется суеверие, обращения за полчаса до смерти, книжки Штейнера, вечное клянчание у дверей страхового общества. Ваши атеисты, выпив стаканчик вермута, храбрятся и ругаются, а потом, припомнив запах кладбища в летний полдень, держат на всякий случай под рукой Евангелие, рассуждают о неуловимом духе (неопределенный жест пальцами) и не спят всю ночь, если жена разбила туалетное зеркало. Я беру Айшу, ибо в нем жива голая, бесстыдная, всеободряющая вера, и это будет крепким оружием в моих руках. Другие увидят во мне учителя или авантюриста, мудреца или прощельгу, а для него я буду богом, который умеет клеить марки и говорить необычайные слова, которого он будет рисовать, лепить, вырезать из дерева и которому останется верен до последнего издыхания».

Так говорил Учитель. Мистер Куль, увлеченный этими мыслями, тщетно пытался возмутиться и наконец, чтобы оправдать себя, свою улыбку сочувствия столь безнравственным суждениям, сказал: «Мой

друг, я знаю, что вы шутите. Вы, безусловно, хороший христианин и, кроме того, отменный гид», — и ласково толкнул Хуренито толстым пальцем в бок.

Впоследствии Учитель неоднократно возвращался к вопросам веры, верований и религии. Он говорил об этом, как, впрочем, и о других так называемых «важных проблемах», шутя и балагурия. Учитель утверждал, что серьезно, академически, проникновенным голосом или приводя библиографию можно говорить лишь о способах обкуривания трубок, о различных манерах плевать, со свистом или без свиста, о построении ног неповторимого Чаплина. Во всех других случаях он предпочитал молитве усмешку, многотомному исследованию — веселый фельетон. «Когда весь сад давно обследован, — говорил он, — тщетно ходить по дорожкам с глубокомысленным видом и ботаническим атласом. Только резвись, прыгая без толку по клумбам, думая о недополученном поцелуе или о сливочном креме, можно случайно наткнуться на еще не известный цветок».

Стремясь передать здесь различные суждения Хулио Хуренито о вере, я боюсь, что, по причине моего характера, угрюмого и неповоротливого, придам им ложную, нарочитую серьезность. Эти мысли были легки и невинны, как щебет шестнадцатилетней девушки о различных системах пропорционального представительства.

Как-то, перетаскивая из конуры «Мажестика» в свою мастерскую братьев Гихрэ — Гмэхо и Ширика, Учитель сказал: «Им будет уютно между кастильским Христом в юбочке и бронзовым Буддой, глядящим пальцем живот. Боги прекрасны, равны и достойны друг друга. Но тщетно вы хотите подражать Айше. Он бога только что сделал, как молоденький поэт, написавший первое стихотворение, волнуясь бегаёт с ним, пуповина еще болтается. А вы даете в коленкоровый переплет (кожаные углы, инициалы) книги гения, сгнившего пятьсот лет тому назад — тысяча, две тысячи, — гимназистик зубрит, вы читаете, но не интересуетесь; только редко-редко, в приемной дантиста, очень скупая, благоговейно раскрываете двести сорок шестое издание. Для вас Бог не хлеб, не жизнь, даже не предмет роскоши, а какая-то баночка с мазью (ну кто кому ее прописал? рецепт давно утерян) на полке в ванной комнате, которую вы не выкидываете только потому, что она так давно стоит, что вы ее перестали замечать».

«Конечно, эксперименты с Иовом, — однажды заметил Учитель, — были несколько рискованными. Пожалуй, теперь «общество борьбы с вивисекцией» привлекло бы обоих спорщиков к ответственности. Но по крайней мере за убытки, за болезнь, падеж жены, детей, скота Иову

было выдано хорошее вознаграждение. Не додумавшись до воскрешения, привели новую супругу, к тому же весьма плодовитую. Возможно, что Иов был даже в выигрыше, во всяком случае добродетель восторжествовала. Но что сказать о Берке, о старом меховщике Берке, который был праведнее самого Иова, славил справедливость господню днем и ночью и умер с распоротым животом на помойной яме Балты? Дети будут счастливы? Внуки? Да, да, что-то до двадцатого колена... Но ведь порют живот, пожалуй, уже у тридцатого колена, порют аккуратно, без заминки. Опять Вседержитель пари держит? Но почему же миллионы Берков должны издыхать от такого необузданного азарта? Нет, здесь дело явно нечистое. Даже младенец знает о том, что Иван — честный, работающий, добренький и все прочее — умрет, вспухнув с голоду, на задворках у Ивана — вора, лжеца, злодея, а тот даже не сморгнет, и никаких раскаяний, ползаний на четвереньках и удовлетворяющего общественное мнение смертного пота — ровно ничего! Нет, до последней минуты все обследовано и ничего утешительно не замечено.

Тогда приступают к тому, что обследовать труднее. Земля как земля, а что под землей? Справедливость, воздаяние. Разумеется, возможно, что прах да пар, а если нет? Кто знает? Живет, живет человек, кругом холера, крушение поездов, японцы, а он все живет, потом ест карася в сметане, маленькой косточкой давится — и конец. Кто знает, не выше ли? Случай, а может быть, этот случай умniejszy, кончил богословский факультет и сдал экзамен на звание «провидения»? Стоит бабка в церкви, молится своей «Заступнице усердной» — Буренушка стельная, дай, Мать Божья, телочку! (за грехи — теленка). Вместо бабки — святая Женевьева, вместо теленка — готы, и готова фреска Пювис-де-Шаваня. Это о земном, а о над... — еще сомнительнее. Только неуверенность — о двух концах палка. Всякому приятнее отправить такое письмо, да еще при таких порядках на почте — заказным, а не простым. Книжки тоже пишут, школы... Идет безверье, то есть валюта страны небесной обесценена до крайности. Кассир расплывается, тонет в туманах, его же создавших.

В другой раз Учитель говорил нам о влиянии пола на религию: «Бешеного быка закалывают. Если кобыле вовремя не дают жеребца, она заболевает. Нет котов, влюбленных в сук, и ни один самый испорченный фокстерьер не волочится за овцой. У нас иначе. Так как вершина есть и начало спуска, а чувственное предвкушение длительнее и слаще судорог страсти, многие ищут наслаждения в безбрачии. На постели образ тускнеет, даже при минутном удовлетворении, на стенке он

цел. Хрупкая девица на брачном ложе (когда подруги говорили — все выглядело лучше) — быстро, чересчур внятно и не по вкусу. Кроме того, он сопит. А тот, другой, с золотыми кудрями, смертельно грустный, недоступный... Ах, скорее стройте беленькие бегинажи с медными подсвечниками и накрахмаленными занавесками! Господа кюре за шторками, вы услышите в исповедальнях миллионы вздохов и признаний, о которых тщетно мечтают агрономы и пивовары. Ничего, если иногда будет маленький подлог и некоторое возвращение к матери-природе. А они, сопящие и несопящие, сначала распляемые запахом подмышников, потом чувствующие приступ тошноты, — разве они не сочиняли стихов о небесной красоте той, иной, немислимой, которой не нужно подмышников, не рисовали ее на клочке холста? Я видел в Ганахо, под Бургосом, пастуха, тупого парня лет двадцати, который царственным жестом оскopil себя в деревенской церквушке пред ее изображением и час спустя умер, обливаясь кровью. Он — «выродок», ведь другие обливаются только слюной сладострастия или чернилами умиления. А тайные секты блудников, а преступные целовальники икон, а старые монахини, вечером смахивающие пыль со статуй, а дряхлый Верлен, пробиравшийся от морщинистой грязной бабы к каменной девушке с розой в руке...»

Будучи в Лондоне, мы зашли с Учителем в протестантскую кирку. На голых стенах висели лишь копилки и расписание занятий в воскресной школе. Пастор весьма красноречиво говорил о благодетельности Спасителя и о вреде спиртных напитков. Учитель сказал нам: «Бедные люди, они еще раз повторили жест ребенка, который срывает с игрушки ленты и бубенцы, чтобы найти внутри клочок пакли. Им дали великолепную куклу Рима. Они не поняли, что ее глубочайший смысл — в этих кружевах обрядов, в нашивках догм, шелесте месс, в румянах и золоте венчика. Они начали сдирать одежды, срывать ризы, боясь, что живая плоть станет ризами, и не подумав, что под поцелуями человеческих губ ризы стали живыми и теплыми и что вне этого плоти не было. Ободрав с кочана лист за листом, они церемонно водрузили пред собой кочерыжку, копилку и господина пастора, который не одобряет (кстати сказать, великолепного) «Шидама».

Когда в Париже в 1913 году организовалось «Общество рациональной постановки мелкой торговли», Хуренито в качестве владельца магазина коралловых бус явился на учредительное собрание и внес предложение поставить общество под высокое покровительство «апостольской церкви». «Нигде, — говорил он, — я не видел такого бережного, трогательного и вместе с тем рационального отношения к

мелкой торговле, как в стенах церкви. Как есть большие и мелкие грехи, есть дорогие и дешевые искупления. Церковь вытравила из памяти дорогое бездельникам и тунеядцам, ненавистное нам понятие «даром». Какой-нибудь мелкий афинский философишка уверял, что добро можно делать ради добра. Церковь сказала: «Нет. Ничего даром. За всякое добро — билет (отвечают всем достоянием неба). За грехи платите. Поклон, сто поклонов, свеча в два су, в сорок су, постройка часовни, путешествие в Лурд, в Сантьяго, в Рим». Мы будем торговать под святой сенью Петра, у которого столь дорогие нашему сердцу приходо-расходные книги, весы и крепкие ключи к американским замкам». Речь Хуренито была покрыта аплодисментами, но предложение не голосовалось вследствие протеста владельца магазина резиновых изделий, стоявшего на точке зрения абсолютной светскости «Общества».

Почуя учеников, Хулио Хуренито любил нам показывать различные экземпляры той или иной человеческой породы. Меня всегда изумляло неисчислимое количество людей, с которыми он поддерживал приятельские, деловые, а чаще всего неопределенные и с виду бесцельные, отношения. Так, в Генте он познакомил нас с неким Зютом, фламандцем, занимавшимся игрой на тромбоне, обкуриванием длинных глиняных трубок, выжиданием кофе перед сложными машинками — «фильтрами». Этот Зют, кроме вышеупомянутых достоинств, был, по моим догадкам, родственником писателя Метерлинка. Я сужу об этом по многим признакам. Так, например, когда мы на минуту замолкали и в комнате становилось тихо, Зют многозначительно вздыхал, а затем пояснял: «В комнате кто-то присутствовал». Вообще молчал он не просто, а торжественно. Любимыми его словами были «кто-то», «что-то» и «странный». Изъяснялся он примерно так: «Мне грустно — по саду кто-то прошел», «Сейчас с какой-то девушкой что-то случилось, поэтому у меня тяжелеют веки», «Вы слышите, как странно бьют часы, они что-то предвещают». За утренним кофе он был полон воспоминаниями приснившихся снов, за обедом — смутными ощущениями иных миров, за ужином — предчувствием неведомых встреч (что, впрочем, не мешало ему есть с аппетитом). Во всем он видел тайну — в форме облака, в залетевшей в комнату птичке, даже в суповой миске, которую разбила его прислуга, неповоротливая фламандка. Просидев с ним два часа, я заподозрил его не только в родстве с Метерлинком, но и в нервном заболевании. Я поделился моими соображениями с Учителем, но он возразил: «Увы! Зют вполне здоров, и я не думаю даже, что он родственник Метерлинка, вернее, таких родственников у достопочтенного поэта наберется не одна тысяча. На домике Зюта громо-

отвод, а в передней барометр; когда он заболевает, то зовет лучшего доктора и не может вымолвить от волнения ни единого слова, пока врач не полежит трубку в карман и не пробубнит наконец название болезни по-латыни. Зют очень любит повторять слово «провидение», но прививал себе, между прочим, оспу, дифтерит, тиф. Конечно, если ты его обо всем этом спросишь, он не смутится и скажет что-нибудь вроде того, что «не надо искушать Господа Бога». Но на нем ты можешь наблюдать человека, который не способен жить без тайны. Ты скажешь, что на свете еще много неясного. Разумеется. Но из длинной анфилады запечатанных комнат несколько дверей взломано, и там обнаружена самая обыкновенная обстановка средней руки. Это расхолаживает Зютов, заставляет их приделывать печати. Далее идет косметика, штопка драных штанов и различные способы старой потаскухи выдавать себя за невинную девственницу».

Возвращаясь к тому же вопросу о тайне, он свел меня с одним немецким теософом, Вольфом.

В жизни Вольф был обыкновенным немцем, имел нечто вроде жены, то есть худосочную девицу Матильду, выполнявшую в доме самые различные обязанности. Но иногда, скушав изрядное количество свинины, выпив пива, тоже вдоволь, выкурив сигару и не зная, что ему дальше делать, то есть в часы, когда прочие смертные читают статьи о министерском кризисе, ловят мух или просто очищают многими способами нос, уши и прочее, Вольф вдруг становился важным, запирал в кухне подобие жены, чтобы она ему не мешала звяканьем посуды, объявлял, что у него высшее состояние духа, так как из мира астрального, в котором пребывал ранее (со свининой и Матильдой), он переселяется в «будхе», что теперь он решительно сосредоточивается и видит все. Далее шло вовсе неподобное — оказывалось, что Вольф был прежде не Вольфом, а жаворонком, вождем племени ацтеков и любовницей Людовика XV. Кроме этого, он знал не только названия всех городов Атлантиды, но даже расписание трамваев ее столицы. Он показывал своим сослуживцам какой-то стертый польский грош, уверяя, что это один из сребреников, полученных Иудой. Родимое пятно на его теле ниже спины являлось знаком предназначенной ему звезды Кассиопеи. Уезжая летом на месяц отдохнуть, он направлялся в Дорнах к своему наставнику Штейнеру и там таскал камни, строя какое-то капище. О нем Учитель говорил как об очаровательном хитреце: «Вольф знает все, но ему скучно утомлять свой разум математическими проблемами или социальными трактатами. Кроме того, ему слишком много преподносили слабительное Реформации, чтобы он мог вернуться к ми-

лой мистике средневекового мясника. Поэтому он предпочитает выдумывать забавную тайну и потом остроумным способом разоблачать ее. Это ничуть не хуже головоломок в воскресных номерах газет. Это вполне корректный и практичный спорт, а засим — разве тебе еще не ясен путь от Айши до Вольфа?..»

Путешествуя по Италии, мы часто заходили в различные церкви. Обыкновенно в них бывало уютно, но грязно, мало кто считался с плакатом «Просят из уважения к месту не плевать». Часто кроме старых бабок, шамкающих сплетни, и детей, играющих в прятки, мы находили в церквях кошек, собак, даже кур. Мы видали немало любопытных церемоний. В Сетиньяно хоронили Христа ряженные всадники, люди в масках с крохотными дырочками для глаз, вдовы в трауре, девушки в подвенечных платьях. Действие происходило ночью, при свете вздыбленных факелов, под барабанный грохот и вой монахов. Во Флоренции к собору подводили белого быка, на котором восседал некий субъект в панцире, лицом к хвосту. Заканчивалось все это ракетой в форме птицы, влетающей в церковь и зажигавшей огни. В Риме, в подземной церкви, монах, иступленно крича, водил за собой прихожан от алтаря к алтарю, стегал свое тело веревками и потом ложился в гроб. Наконец, в Неаполе, при свете сотен костров, при треске шутих и пистонов, закипала кровь на статуе святого Януария. Сначала кровь от чего-то кипеть не хотела, и толпа награждала святого особыми итальянскими выражениями, состоящими из сочетания слов возвышенных и бранных. Потом кровь закипала, все хлопали в ладоши, кричали святому «браво», и дело кончалось танцами. Наблюдая все это, Учитель говорил: «Бедный ватиканский узник, как подобает его чину, он дремлет с повернутой назад головой. Ему снится враг Вольтер, и он даже не подозревает о существовании киноактера Макса Линдера. В течение многих веков религия честно исполняла свою роль разрядителя человеческих эмоций. Для этого она вырастила искусство и теперь умирает от конкуренции собственного детеныша. Вместо размышлений отцов церкви — популярная лекция народного университета, вместо декалога — неуязвимая мораль спевшихся лавочников. Что же заменит великолепные страсти, шепот и беск, фиолетовые рясы и рык органов? Grimасы Чаплина, мертвые петли летчика Пегу и миллионы огней грядущих карнавалов.

В ту же эпоху Учитель представил папе Пию X докладную записку, которая нигде не была напечатана, но вызвала возмущение почти всей римской прессы. Газета «Обсерваторе романо» даже давала понять, что это интриги некоей великой державы. Копии записки у меня не

Содержание

Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. <i>Роман</i>	5
Из книги «Тринадцать трубок»	209
Рвач. <i>Роман</i>	265
Рассказы	
Бубновый валет	583
В розовом домике	591
«Веселый финиш»	601
Любопытное происшествие (<i>Рассказ обывателя</i>)	608
Ускомчел	620
Пивная «Красный отдых»	628
Старый скорняк	635